

Вспоминая ту ситуацию, Тан Чжао не могла сдержать улыбки — маленькая принцесса, должно быть, тогда действительно разозлилась. Бросить в неё флакон с лекарством было одновременно жестом заботы и попыткой ударить. К счастью, она успела среагировать, иначе осталась бы без лекарства и с шишкой на голове. Однако, если подумать, слова Минды тогда были правдивы — несколько раз лекарства из её кареты в итоге использовались на ней самой.

Мысль об этом вызвала в ней странное чувство радости, которое тут же сменилось осознанием собственной глупости.

Покачав головой, Тан Чжао убрала флакон и, достав из-за пазухи документ о назначении, подаренный Миндой, её выражение лица стало серьёзным. Открыв документ, она увидела знакомые чёрные иероглифы, в которых угадывался её собственный почерк...

Когда Минда только начинала учиться каллиграфии, Сун Тин уже писал довольно хорошо. Маленькая принцесса была к ней привязана, и, занимаясь каллиграфией, ласково называла её «братец Атин», и та сдавалась — она держала её маленькую руку и учила выводить каждый штрих. Конечно, другие тоже учили её, но после долгих тренировок почерк Минды больше всего походил на её.

Кончики пальцев Тан Чжао невольно коснулись знакомых иероглифов, а на её лице появились нотки ностальгии и лёгкой грусти. Она могла представить, как Минда сама держала кисть, чтобы написать этот документ.

Спустя долгое время она вздохнула, закрыла документ и аккуратно спрятала его.

Должность главного секретаря Резиденции принцессы была хорошей возможностью снова оказаться рядом с маленькой принцессой. Однако, несмотря на сожаление, она не могла сейчас отправиться в Резиденцию принцессы, и уж тем более не хотела, чтобы семья Тан узнала о существовании этого документа. Она не хотела, чтобы семья Тан знала слишком много, и хотела посмотреть, на что они способны. Возможно, они действительно могли влиять на результаты экзаменов, и, может быть, в этом году её имя всё же появится в списке сдавших.

Размышляя обо всём этом, Тан Чжао наконец закончила собирать вещи и начала готовиться к купанию.

Возможно, из-за задержки вода в ванне была уже слегка прохладной, но в жаркий день это не имело значения. Она осторожно положила раненую правую руку за край ванны, чтобы не намочить рану, и левой рукой начала поливать себя водой.

Прошло некоторое время, и вдруг движения Тан Чжао остановились, а в её ярких чёрных глазах мелькнуло замешательство — когда же у неё снова появилось желание вернуться к Минде? В самом начале своего возрождения она была твердо намерена больше не связываться с человеком, которому была стольким обязана, и даже после того, как узнала о личности Сун Чжэня, она только хотела поговорить с ней и всё выяснить.

Но теперь, после всех этих размышлений, она всё равно не могла освободиться, а, наоборот, ещё глубже увязла...

Тан Чжао вдруг почувствовала уныние и странное облегчение, смесь чувств, которую она сама не могла понять. В конце концов, она лишь потеряла лоб и погрузилась в прохладную воду, чтобы немного успокоить свой хаотичный ум.

Так значит, она всё же... не может отпустить?

Рана Тан Чжао воспалилась. Сначала она провела три дня в экзаменационном зале, а затем, вернувшись домой, намочила рану во время купания. На следующий день рука опухла, и ладонь выглядела толще, что вызывало беспокойство.

Госпожа Сюэ была шокирована и тут же вызвала врача, который снова обработал рану, прописал лекарства и дал подробные указания.

Тан Чжао внимательно выслушала рекомендации врача, но затем заменила лекарство на то, что дала Минда — это было секретное лекарство из дворца, которое, очевидно, было гораздо лучше обычных средств. Так и оказалось: опухоль спала, и рана быстро зажила, а после того как образовалась корочка и отпала, на новом слое кожи не осталось ни единого шрама.

Хотя это была всего лишь царапина, такое хорошее лекарство казалось излишним, но ни Минда, ни Тан Чжао не жалели его. К тому времени, когда правая рука Тан Чжао полностью восстановилась, наконец наступил день объявления результатов осенних экзаменов.

Договорившись с Тан Чжао вместе пойти посмотреть результаты, они не встретились во время экзаменов, но на этот раз не могли пропустить это событие.

Тан Чжао провалила экзамен, но всё же была заинтересована в результатах. Она сказала:

— На этот раз у меня, вероятно, нет шансов. Перед третьим экзаменом я повредила руку, и даже если текст получился хорошим, почерк был ужасен.

Выслушав это, он выразил сожаление и, похлопав её по плечу, утешил:

— Ничего страшного, я тоже, возможно, провалился. Тогда мы вернёмся в академию и будем готовиться ещё три года, и снова станем одноклассниками. Тебе ведь всего шестнадцать, не стоит торопиться.

Они действительно не торопились. Тан Чжао было всего шестнадцать, а ему — восемнадцать. По сравнению с другими кандидатами, ожидающими результатов, они выглядели очень молодыми. Иногда они смотрели на тех, кто сдавал экзамены до седых волос, и не могли понять — что они будут делать, если сдадут в таком возрасте? Смогут ли они сдать экзамены на

степень цзиньши? Смогут ли сразу получить должность? Сколько лет они смогут проработать?

За пределами экзаменационного зала — старые и молодые, всевозможные человеческие судьбы.

И Тан Чжао, и он были спокойны, так как оба считали, что, скорее всего, не сдали, и оставалась лишь небольшая надежда. Они сели за столик в чайной лавке неподалёку от экзаменационного зала, не торопясь пробираться к воротам Экзаменационного двора, и просто наблюдали издалека.

Тан Чжао налила себе чашку чая, но, увидев мутную жидкость, не смогла заставить себя пить и снова поставила чашку на стол. Она машинально оглянулась, как будто ища кого-то, но, конечно, никого не нашла. Осознав, что она делает, она невольно вздохнула и покачала головой.

О чём она думала? Появление принцессы у Экзаменационного двора уже было неожиданностью. Кто она такая, чтобы Минда беспокоилась о ней настолько, что даже пришла лично посмотреть результаты?

Это было явно слишком, и Тан Чжао чувствовала себя одновременно смешно и досадно, досадно на себя.

Не заметив её внутренних переживаний, он через некоторое время начал терять терпение и, размахивая веером, сказал:

— Не знаю, когда объявят результаты, но ждать здесь скучно. Лучше бы я послал слугу посмотреть.

Затем он подмигнул и предложил Тан Чжао:

— Брат Тан, раз уж мы ждём, может, прогуляемся?

Тан Чжао подумала, что он слишком легкомыслен — как можно думать о прогулках в такой момент. Но, посмотрев на него, она поняла, что он не был равнодушен, а, наоборот, слишком волновался и хотел отвлечься.

Прежде чем Тан Чжао успела что-то сказать, ворота Экзаменационного двора открылись.

В одно мгновение, как будто взорвалась бочка с порохом, толпа, ожидавшая результатов, пришла в движение.

Несколько кандидатов, которые до этого спокойно сидели с ними в чайной лавке, услышав

шум, тоже не выдержали и, бросив несколько монет, поспешили присоединиться к толпе.

Поддавшись атмосфере, он, который только что заявлял, что ему всё равно, тоже вскочил на ноги и сделал полшага вперёд, но, заметив, что Тан Чжао не двигается, остановился. Он снова сел, но выглядел беспокойным, вытянув шею, чтобы посмотреть в сторону Экзаменационного двора:

— Там так много людей, объявили ли уже результаты? Увидит ли их Фуци?

Фуци был его слугой, и, как он говорил, это имя было «великим в своей простоте». Другие, услышав это, смеялись и говорили, что это хорошее имя.

Тан Чжао тоже привела слугу из семьи Тан, который вместе с Фуци уже отправился ждать у места объявления результатов. Она была спокойна:

— В любом случае список уже там, рано или поздно мы его увидим, и это не изменит результаты.

Это было правдой, но слишком холодно. Он посмотрел на неё с сожалением, действительно поверив, что она провалила экзамены. Однако, будучи другом, он не мог сказать ничего обидного и просто терпеливо ждал вместе с ней.

<http://bllate.org/book/15453/1370964>